

Места в округе были живописные. А если учесть, что неподалеку уцелели развалины старинного дворца, то можно было смело сказать — натура для съемок фильма «Маленькие трагедии» режиссера М. Швейцера художником выбрана идеальная.

Владимир Семенович Высоцкий в этих сценах был занят не много, но зная о его сверхнасыщенной работе в театре, снимали быстро, и удалось вдвое перекрыть норму. Оставалась крошечная сценка, проход на общем плане среди дворцовых развалин.

Съемка должна быть режимной, час в четыре утра, так что в Москву решили не возвращаться и заночевать здесь. В группе объявили перерыв.

группу парней и девчат — на вид старшекласников. Они о чем-то оживленно спорили, а завидев меня, умолкли вмиг и, когда я поравнялась с ними, меня остановили:

— Скажите, пожалуйста, как бы с ним увидеться... поговорить... Он еще отдыхает, да?

— Владимир Семенович очень устал, ребята. — ответила я. — Наверное, ничего не выйдет. Как-нибудь в другой раз.

У самого порога я обернулась: ребята не расходились — молча глядели вслед, ожидая, наверное, что я передумаю и окажу им содействие.

Володя сидел на кровати и шнуровал туфли.

— Спасибо, Нин, — улыбнулся он мне. — Польещь? Во-

нулся нам и запел. Песня была спокойной, даже какой-то лиричной, без того особого ритма, свойственного большинству его песен, и даже без знаменитого гортанного хрипа.

Казалось, он пел сейчас для себя — так, чтобы слышно было лишь нам, сидящим в метре-двух от него.

Вместо целого куплета он порой просто напевал под незатейливый мотив, улыбаясь победно восседавшим зрителям, — видимо, песня была еще заготовкой и слова ее, да и сама мелодия только появлялись на свет. А может, он импровизировал и на наших глазах рождалась новая песня? Может быть...

народа. Толпились в проходах, стояли в несколько рядов, облепили подоконники, сгрудились в дверях — здесь было сейчас не сто, не двести человек, а целая тысяча, не меньше. Как удалось им так набиться сюда, не потревожив песни, без единого звука, шума, скрипа, — это остается для меня загадкой и по сей день.

Может, Володина песня ставила нас забыть обо всем, что происходит вокруг? Может быть...

Зрители не сидели — все стояли, откинув сиденья, и — странное дело! — молчали. Молчали до тех пор, пока Володя не вскинул руки с гитарой над головой...

Это были не просто аплодисменты — это был какой-то шквал звуков: акустическая волна невиданной силы обрушилась на сцену и, казалось, сомнет, раздавит своей мощью певца с высоко поднятой в руке гитарой.

Далеко за полночь ушел со сцены Володя. Зрители еще долго сидели в зале — сидели молча, сосредоточенно, задумчиво, как бы надеясь еще на то, что певец выйдет к нам еще раз.

Передавая термос, я напомнила:

— Через час на грим, Владимир Семенович, не забыли?

— Помню, — устало ответил Володя и, вытянув ноги, удобнее устроился в стареньком венском кресле с отломанными подлокотниками. Он закрыл глаза и отключился. До самой режимной съемки, которая начиналась в четыре утра.

Я вышла из клуба. Возле, облитые лунным светом, стояли грузовики с порожними кузовами. Машин было много, не сосчитать — ровно столько, чтобы привезти на концерт и развезти по полевым станам и бригадам всех зрителей, которым посчастливилось только что стать свидетелями чуда, и чудо это вряд ли еще повторится на их веку.

В моем мозгу пронеслось безапелляционно-ехидное: «Всех денег не заработаешь, и надорваться — раз плюнуть... Любит денежку, что и говорить...»

Н. ХАЗЕМОВА,
ассистент режиссера.
Фото В. Мурашко.

КОНЦЕРТ

Разгримировавшись и переодевшись, актеры потянулись к поселковой столовой, которую специально для нас разрешили не закрывать еще часик-другой.

Под ночлег отвели нам одноэтажное строение барачного типа — общежитие школы механизаторов, учащиеся которой выехали на летнюю практику.

Я заглянула в приоткрытую дверь маленькой комнатки: скинув туфли, Володя лежал с закрытыми глазами поверх байкового одеяла.

— Пойдемте ужинать — столовую закроют.

Он улыбнулся, не открывая глаз, пропосил:

— Прихвати мне чего-нибудь...

— А где Высоцкий? — спросили меня в столовой.

— Устал, отдыхает... Вот, отнесу ему, — ответила я, складывая со столика в пакет кефир, бутерброды.

— Конечно, устанешь... В Казани, говорят, по пять концертов в день — оттого и хрипеть стал, надорвался, — неодобрительно заметил за соседним столиком здоровяк своему щуплому соседу в очках.

— Может, под фонограмму? — усомнился щуплый.

— Живьем, — отрезал здоровяк и добавил: — Чудак он, ей богу, всех денег не заработаешь, а надорваться раз плюнуть.

— Да уж, любит денежку, что и говорить... — поддержал третий, прежде молчавший.

Подходя к общежитию, я заметила на полянке перед домом

ду перекрыли, умыться нечем.

Я выложила на стол продукты, и мы вышли на крыльцо. Володя поставил на ступеньку ведро, протянул мне кружку и скинул футболку, выгнув спину.

Он фыркал, смеялся, обдавал меня брызгами, вымочил свои брюки чуть не до колен. Остатки воды я плеснула прямо из ведра в его ковшиком сложенные ладони.

Володя выпрямился, уставился на меня:

— Полотенце... Фу ты черт, забыл!

Я побежала в его комнату. Полотенце зачем-то завязали узлом вокруг спинки кровати, и пока я отвязывала, Володя с крылечка исчез.

Он уже стоял с ребятами на полянке и, улыбаясь, промокал мокрое тело футболкой. Выслушав их, Володя кивнул, пожал всем руки и направился к дому.

Зрителей было мало: лишь те пятнадцать парней и девчат, что ждали его на полянке, и зал от этого казался внушительно пустым, хотя был всего мест на сто.

Все мы устроились в центре двух первых рядов. Не было только наших, мосфильмовских, — никто не предполагал, что Володя будет сегодня петь. А пришел он сюда с ребятами сразу, прямо с полянки, лишь прихватив гитару и сменив футболку на рубашку с длинными рукавами.

Ему вынесли стул, он улыб-

Пел он долго. Пел не отрывая глаз от струн. Пел, не рисуясь своей отрешенностью, а так, как будто поверял нам свои мысли, извлекая их откуда-то из самых потаенных уголков своей памяти. Пел не откровенно открыто, навывплек — как обычно, — а как-то бережно и вместе с тем доверчиво и искренне.

Мы сидели, затаив дыхание, боясь пошевелиться, повернуть голову, чтобы ничем не потревожить этих волшебных мгновений, которые так не часто выпадают на нашу долю.

Не помню, сколько прошло времени, пока он пел: пять минут?.. десять?.. может, полчаса? — не знаю.

Наконец он оторвался от гитары, поднял голову. Но смотрел не на нас, а куда-то поверх наших голов, поднялся со стула и широко улыбнулся.

Я обернулась и не поверила своим глазам: зал был полон